

Говорят, вы уезжаете? На сколько месяцев? Перед отъездом надо, чтобы Вы (...) сообщили мне, к кому из коммунистов в Центросоюзе и *вполне опытных* (2—3 человека) я могу обращаться.

Затем Вы должны перед отъездом сообщить мне, очень кратко, когда же, наконец, заработает аппарат кооперации?

Я понимаю так:

1) В скольких волостях (*таких-то* губерний) есть лавки (кооперации) и, следовательно, ваши торговые агенты, в скольких нет? По сколько на волость?

2) Сколько из лавок (агентов) отвечает центру аккуратно за все его вопросы, дает отчеты? раз в неделю? в 2 недели?

3) Сколько волостных лавок получили товары? и какие? (хоть самые краткие ответы). Соли? керосина? мануфактуры? и т. д. (...)

По-моему, пока нет таких отчетов, *ничего нет*. Одни разговоры.

Жду ответа.

С ком. приветом Ленин»⁶.

«Г. М.!

Вчера Мартенс мне сказал, что доказана (Вы говорили почти) наличность невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже* —

1) провести там необходимые узколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции? (...)

Дело это надо вести *сугубо* энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет (...)

Ваш Ленин»⁷.

Остается напомнить, что роман создавался в промежутке между двумя важнейшими датами тогдашней культовой историографии — смертью Ленина и десятой годовщиной Октябрьского переворота, в обстановке тотальной канонизации «Ильича», начало которой, впрочем, было положено еще при его жизни. С 1920 и особенно с 1924 г. неуклонно нарастает поток мемуаров, статей, гимнов и прочих произведений, посвященных основателю советского государства.

По ленинскому трафарету, с использованием привычно помпезной фразеологии, исполненной ритуальной почтительности, строится в «Зависти» своеобразный культ Андрея Бабичева. Гротескно-комплиментарные эпитеты типа «мудрейшая, удивительная, совершенная личность», которыми наперебой награждают «большого человека» окружающие, непосредственно заимствованы из жаргона официальной ленинианы.

Сама тучность, огромность героя — не столько символ косной тяжеловесности переродившегося режима, одержимого идеалом казенного изобилия⁸, сколько и прежде всего материализованная метафора власти, административной мудрости и величии, в партийно-лирической публицистике повсеместно применявшаяся к Ленину — «гиганту» и «великану».

Технику такой гиперболизации подробно продемонстрировал Николай Кавалеров в письме к Андрею Бабичеву: «Вы стоите в кальсонах. Распространяется пивной запах пота. Я смотрю на вас, и ваше лицо начинает странно увеличиваться, увеличивается торс, — выдувается, выпукляется глина какого-то изваяния, идола. Я готов закричать»⁹.

Символическую тему Бабичева-«идола» целесообразно рассматривать на фоне грандиозной кампании по монументальному «увековечиванию» Ленина, развернувшейся после января 1924 г. Сооружение мавзолея и бесчисленных памятников вызвало, как известно, протест со стороны некоторых, достаточно авторитетных партийных кругов, озабоченных сакрализацией и нивелированием «живой личности» диктатора¹⁰. Однако с точки зрения официального руководства мавзо-